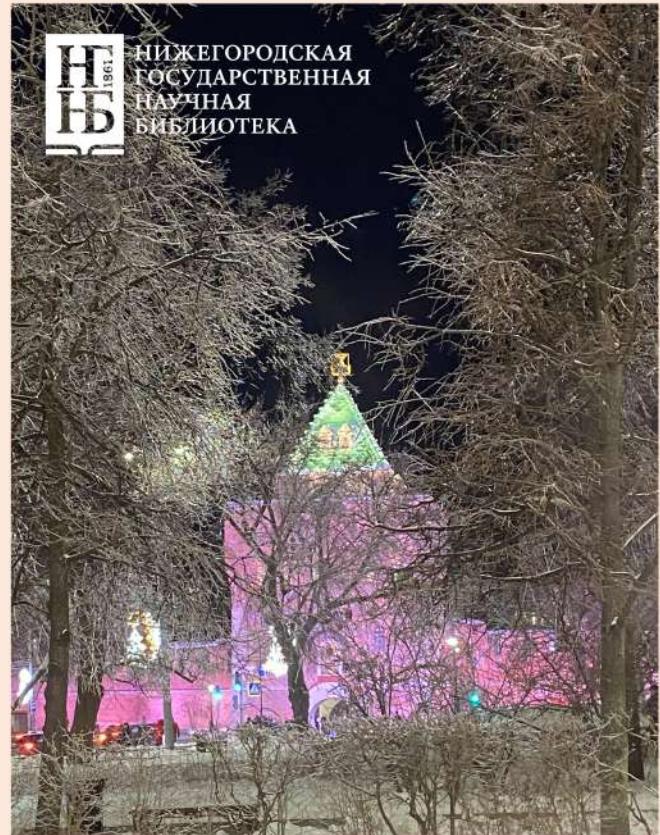

встреча

Рождественская

Сборник поэзии и прозы
Выпуск XXIV

Нижний Новгород
2022

НИЖЕГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВСТРЕЧА
Сборник поэзии и прозы
Выпуск XXIV

Нижний Новгород
2022

**ББК 84 (2 РОС=РУС) 6-5
Р 62**

Р 62 Рождественская встреча: сб. поэзии и прозы / сост. С.Г. Леонтьева. — Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2022. — Вып. ХХIV. — 54 с.

В сборник вошли стихотворения и проза нижегородских авторов — профессионалов и любителей, представленные на празднике духовной поэзии в январе 2022 года.

12+

© НГОУНБ им. В.И. Ленина

Рождественская встреча – 2022 проходила в уникальной обстановке, когда требовался кьюаркод для прохода в любое учреждение, либо справка о прививке. Но Рождество – это всегда чудо, люди шли, чтобы прочесть свои стихи, спеть песни на тему возрождения, на тему любви к Богу. Они несли не только стихотворения, но и зарисовки, эссе, рассказы, прозу, поэтому решили включить в этот сборник все, что пришлось нам по душе, все, что имеет значение и все, что во Славу Божию. Ибо творчество – это молитва и это воздаяние. И это бессмертие. Нам удалось прикоснуться к его полотну, почувствовать ткань жизни и высшие ее проявления в творении человеческого слова, которое нам вложено в уста, как наивысшая награда небес.

В мире происходят изменения, дефолты и инфляции, в мире происходит и страшное, и прекрасное. Но нам даровано свыше – быть человеком. Нам дана весть о Рождестве. И мы, поэты, слышим это, понимаем и любим. Благодаря Рождеству закончатся войны, благодаря Рождеству наступит справедливость, благодаря Рождеству мертвые возродятся, приснятся нам, взойдут, станут рядом, благодаря Рождеству жизнь продолжится. Ибо Сам Господь, находясь в колыбели, взирает на нас, на иконы свои, на распятие, и Он молод, ибо Он всевечный и «стар, ибо только что родился», о чем извещает звон колокольный – морозный, утренний. И взирает Он из своих ясель, и греют его дыханьем обступившие Его овцы, теляти, буйволята, лошади. И Мать Мария хлопочет возле Него со своим мужем Иосифом. Такова картина Рождества, она нарисована у нас в сердце.

И каждый по-своему выносит на поверхность узоры.

До новых встреч, друзья, в Белом зале Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки им. В.И. Ленина.

Светлана Леонтьева,
член Союза писателей России,
ведущая встречи,

автор более 30 книг прозы и стихов,
главный редактор альманаха «Третья столица»,
член жюри Клюевского конкурса в Вологодской области,
председатель Всероссийского литературного фестиваля
«Приокский причал поэтический»,
дипломант национальной премии «Золотое перо Руси»,
обладатель премий «Литературный глобус»,
«Уральские горы», лауреат «Лучших строф столетия»

ТАТЬЯНА БОБЫШЕВА

Вот он — первый хрупкий снег —
Осторожная пороша,
Удивить желая всех,
Нас приятно оторопши.
Все уверенней летят
Следом пухлые снежинки,
Словно выровнять хотят
Все овраги и ложбинки.
Побелить спеша дома
От крыльца до самой крыши,
Легкой поступью зима
Подбирается неслышно.
Позже будут холода,
И мороз, и снег по насту,
Будет берег у пруда
Мягким пологом обласкан.
Распластаются поля
В накрахмаленной постели,
И изнежится земля
В снах до мартовской капели.

СВЕТЛНА ДЬЯКОВА (Пронина)

А счастье к нам пришло нечаянною радостью.
Так Бог велел, наверно есть за что.
И хочется в трехах своих раскаться.
И с чистою душою встретить Рождество!

И ощутить любви прикосновенье,
И нежность самых сильных в мире слов.
И жить сейчас, сегодняшним мгновеньем,
Даря друг другу чистую любовь!

А сегодня падал снег
Мне на плечи и на губы.
Целовал меня при всех
И казался очень трубым.

Целовал и щекотал,
Попадал в глаза и уши.
Он как будто бы играл
и меня совсем не слушал.

И насытившись игрой,
Вдруг он замер в одиночестве.
Прекратил играть со мной,
И исчезло это счастье.

Белый снег, пушистый снег!
Я как в детстве побывала.
Поцелуй меня при всех.
Чтоб опять счастливой стала!

Ты принес мне мандарины,
Словно Дедушка Мороз.
Ты волшебник мой отныне,
Даришь счастье мне всерьез!

И душе моей приятно
От такого колдовства.
Разве это непонятно,
Что любовь с тобой пришла!

Ты принес мне мандарины.
Новогодний аромат!
Ты принес мне счастье, милый,
В своих собственных руках!

Я не могу согреться без тебя.
И пью коньяк несмелыми глотками.
Я в поезде. За окнами пурга.
А мне бы встретиться с тобой глазами.

А мне б прижаться к твоему плечу.
И запрокинув голову немного,
Увидеть все, что слышать я хочу.
В твоих глазах слова идут от Бога.

И замереть в волшебной тишине.
Обняться, бережно переплетая руки.
Почувствовать всю радость на душе
Преодолев мгновения разлуки.

Нина Егорова

Господь совершает чудо.
Исполнит желание сердца.
Он очень тебя любит.
Ты только открои Ему дверцу.
А вера ломает преграды.
Надежда дарит улыбки,
Теплом накрывает взгляды.
Счастливая снова с близким.
Залечит боленную душу.
И прочь улетит тревога.
Ты снова кому-то нужен.
Нет, нет жития без Бога!

Виктория Королькова

Если спросят меня, что всего мне дороже
и о ком со слезами во Храме скорблю.
Это – Бог, что с иконы взирает нас строго,
это – мать и отец, и домашний уют.

Словно солнце в душе – мои внуки и дети,
это то, чего ради на свете живу.
На деревню мою не могу натаядеться,
пред величием природы склоняю главу.

Всё пространство, что рядом, другого не надо,
не покину вовеки родительский дом
и взлелянный сад – глаз моих он отрада,
и все вместе живем мы под теплым дождем.

Принимайте, коренья, чудесную влагу,
мякоть сочную яблок подарите мне,
той «родительской» вишни бордовая сладость
растворится, как сахар, в домашнем вине.

Мне одной всего много — и солнца, и неба,
разделю по частицам друзьям и врагам.
Дам просиящему, если голодный он, хлеба,
только Музы своей никому не отдам.

Чтобы пелось и длилось то счаствие вечно,
не покинь меня, Муза, средь белого дня,
дай услышать чудесную песню Орфея,
здесь сегодня его не ступала ступня.

МОЛЬКОВА ТАТЬЯНА

Кремлевские часы нас к Рождеству влекут,
К нам Рождество спешит прийти в Россию.
В Америке, Италии, и там и тут
Благая весть чудесна и всесильна.

Она очистит мысли и сердца,
Вольется тишиною в душу,
Пребудет до заветного конца,
Ты только верь и тихо слушай.

Ты слушай гимны, как в ночи звучат
Хвалебны в неземных пространствах,
То сонмы ангелов незримо бдят,
Неся нам весть любви и постоянства.

Летят с небес прекрасные слова
И освещают нам в пути дорогу.
Осанна в вышних и хвала
Всесильному и любящему Богу!

Волшебный Новый год
Стучится в каждый дом.
Святое Рождество
Нам светит с торжеством.
Оно — как будто Ханаан,
А мы туда идем.
И свет Пречистого поста
Словно разлит кругом.
В предновогодней суете
Бокалов слышим звон.
Но помним, все освящено
Рождественским постом.

ЮРИЙ ПРОНИН

СНЕЖИНКИ

Хрусталь небес — прозрачен он и осязаем...
и мы внизу — лежим, скорбим и таем.
Нас превращают в грязь, скребут лопатой,
вчерашний пух глядится грязной ватой...

Трех с душ людских в сугроб стряхнул
Господь!

Как мы похожи на людскую плоть:
Душа с утра, как чистый лист бумаги,
а плоти некогда светлеть, бедняте.

Ночь декабря луною осветила
загадочные перья облаков.
Морозно, тихо,
видеть сердцу мило
пушистый, будто сказочный, покров.

Дымок из труб пока не обещает
морозу завтра снизойти на нет.
Застыл столбом, недвижим, и не тает
в стремленьи к самой близкой из планет.

Луна важна сегодня, на исходе
своей привычной лунной полноты...
И раствориться хочется в природе,
с морозным звездным небом быть на ты.

Тихо струится снег,
радуя белизной,
кутая жизни брег
сказочного волной.
Мысли призвав белеть
призрачной чистотой.
Боли телесной тлеть
в жизни этой – не в той!
И отступила боль,
жизнь приоткрылась та:
снег присыпает соль
нынешнего листа.
Он мне казался бел,
чист каждый день и нов.
Было бы так,
сумел
быть я сейчас здоров.
Тихо струится снег,
по рукавам шурша...
Жизнь превратится в век,
где заболит душа.

Природа, говорят, мудра,
но ничего-то ей не жалко.
Вон, глянь-ка — выпал снег с утра,
прикрыл обыденную свалку.

Такое чистое белье —
подарок ветреного неба.
где каждый обретет жилье,
и где не нужно будет хлеба...

Вот только через два часа
вся эта красота растает,
и прекратятся чудеса.
А мысль останется...
Святая.

ГАЛИНА ФЕДОРОВСКАЯ

Святочное гаданье

Вечерком однажды раз
Девушки гадали.
С левой ножки башмачок
В темноту бросали.

Был мороз, метель мела.
И поземкою кружила.
Где-то издали, в дворах
Жалобно собака выла.

Полнолицая Луна
Тускло местность освещала.
И метель, стелясь к земле,
Снег крупой в лицо бросала.

Танин башмачок упал
Носом на дорогу.
У Полины посмотрел
На калитку к дому.

Из заснеженной пыли
Появился всадник.
Вот папаха, борода...
Обликом урядник!

И проказницы, смеясь,
Побежали к дому.
Значит, Тане жениха
Ждать совсем недолго.

Хорошо гадалось нынче!
Удалось гаданье!
Разговоров то и будет
Только о свиданье!

ЕГОР ЧЕРКАСОВ

Дед Макар (фрагмент рассказа)

Вот что дед Макар говорит о вере и Боге:
«Верю – значит, предан Богу. Верю в Него, как в правду, за которую готов непременно ответить и постоять. Ни во что человек так свято не верит, как в Бога и в правду. Это – одно и то же. Правда – от Бога. Люди верят в жизнь на Марсе, но им плевать, если завтра скажут, что жизни на нем нет или что она закончилась. А за БОГА люди на костре горят. Я не стоял никогда за Христа и в костре не горел. Я даже молюсь не так, как другие. Я всегда Бога, как родного, рядом чувствовал, когда в войну в окопе ноги отмораживал или когда между жизнью и смертью был. Я Бога только благодарил. Потому что выжил. Но чего я не хотел всегда делать – так это просить или выпрашивать у Него чего-нибудь. Благодарить – пожалуйста. Просить – нет. Я же мужик все-таки! Я и так прожить под Богом смогу. И прожил. Буду честен: лучше уж так, как я, – не клянчить, жить по совести, в небо «Благодарю» сказать, чем выыганивать себе того, чего у другого есть, а у тебя нет. Или верить, что если поставить свечку пожирнее, то и просить понаглее будет можно. И они меня будут учить смиренiu? И они мне будут говорить, что я гордый? Что наглый? А они? Не наглые, все просят и просят у Бога, а не пытаются сами что-то в этой жизни сделать? Вышла бабка в прошлый раз из храма, да как поехала матом лаять на свою собаку, за то, что та ей под ноги

суется-радуется! Я сижу и думаю: как же она этот театр смирения два часа выдержала и ни разу на священника не наорала? И когда она честнее была — в храме или с собакой? Бабке Агафье, ей что в партию, что в храм со всеми. Невелика ее вера. Не велика, что свою праведность и веру она исчисляет походами в храм, числом свечек, числом ударов лбом об пол. Это не вера — это обряд. Обряды не делают веру сильней. Иногда люблю я «перемолившихся» позлить тем, что рассказываю им о том, как напьюсь, и ко мне иногда ангелы прилетают. Мы с ними вместе и плачем, и смеемся, хотя больше плачем: над моей жизнью больше плакать хочется, чем смеяться. Я так всех любить начинаю с ними, с ангелами, всех обнять хочу, — так на меня их визит действует. Апротрезвею — вновь всех ненавижу и готов всем в лица плюнуть лживые и злые. Вот такую я историю православным рассказываю. Те меня, как еретика, поносить начинают, говорят, что нет столько молитв, чтобы меня отмолить. Видите ли, такого пьяницу, да ангелы посещают! <...> Смирение... это не когда платочек носишь сорок дней, да едой скучной себя моришь. Это когда сорок дней к тебе твоя супруга, во сне или наяву приходит, и ты силишься, чтобы с ума не сойти! Смирение — это когда ты на небо материшься, но не кончаешь себя, а дальше живешь и живешь! А не знаешь, зачем уж живешь. Так что от Бога-то я и не уходил далеко: страдал, как Он велел, смирялся, жил по совести. Добро делал, как мог, и не делал зла великого...»

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ

РАННЯЯ ЗИМА

Как эти пальцы онемели!
Как тени жалкие дрожат!
Свисает с ветки старой ели
Луны казенный циферблат.

В пруду лягушки замолчали.
Одна лишь сонная сова
Роняет полные печали,
Осоловевшие слова.

Стрекочет бойкая сорока
О снеге, выпавшем до срока,
О черствой корке и дупле,
О неслучившемся тепле.

И сквозь узоры снежной сетки,
Повисшей в воздухе пустом,
Дрожат березовые ветки
На фоне серо-голубом.

Дует ветер, колеблется шпажник,
Стайки ласточек в небе снуют,
Снова лодку несет на коряжник,
В щучью чашу, ужиный приют.
Тулко крякают дикие утки.
Как вы дороги, острый осот,
Голубые глаза незабудки,
Кукушиные стоны—погудки,
Плавунцов нескончаемый флот!
Эти шорохи, шепоты, звуки,
Бессловесная жизнь мураша!
Над притихшей речною излукой
Из травы вылезает гадюка,
Прошлогодней листвою шурша.
Я б всю жизнь прошуршал возле этой
Половысохшей старицы... Здесь
Мне не надо ни тем, ни сюжета —
Ведь со мной среднерусское лето,
Голубого и белого взвесь.
Трепетал бы тревожной осиной
На холодном ветлужском ветру,
Выл на небо ободранной псиной.
...Ты со мною, родная трясина!
Не один я на этом пиру!

ЗВУК

Не поймешь, где конец, где начало.
Как дела твои, Маленький Мук?
Столько дней ничего не звучало,
Только сосны ветрами качало.
А теперь вдруг прорезался звук.
Этот звук — чуть дрожащий, волнистый,
Вроде тонкой альтовой струны.
Услыхал его шмель бархатистый,
Бойкий дятел на ветке сосны.
Муравьишко лесной удивился
И застыл в придорожной пыли.
Звук, наверное, с неба пролился,
А, быть может, из влажной земли.
Этот звук так настойчиво льется!
Уступает ему темнота.
Я уж думал, что он не вернется.
Что сковала уста немота.
Что поток, ледяной и жестокий,
Заглушит тебя, время щедрот.
Но бессмертны небесные токи!
...Этот звук — нутряной, одинокий,
Все покоя тебе не дает.

Над Окой, на глинистой горе,
В Дудином святом монастыре
Поселилась мудрая сорока.
Прославляя Божия дела,
Медные гудят колокола.
Только жить сороке одиноко.
Лишь зарей затеплится восток,
Затрещит сорока: «С нами Бог!»
Пеночки притихнут, замирая.
Скроет мышку теплая нора.
С добрым утром, мокрая гора,
Березняк, редеющий по краю!
Ну а ночью ветер-вертопрах
По кустам пройдется впопыхах.
Затрепещет липовая корона.
Услыхать сороке сужено —
За Окой, в поселке Желнино,
Каркает упрямая ворона.
Видно, время камни собирать.
Нелегко вороне умирать.
Ей-то, бедной, рай никак не светит.
Сев на вишни высохший скелет,
Каркает упрямо: «Бога нет!»
И никто вороне не ответит.

Листва кружевная на влажном ветру
Трепещет... Кому и зачем это нужно?
Подумаешь вкратце: «Я тоже умру,
Под ветром упрямым, таким безоружным.
Умру и забуду слепую листву,
Забуду на тухлой воде водомерку,
Болотную эту забуду траву.
Я стану НИЧЕМ, и вставать на поверхку
Мне незачем будет — ведь я НЕ живу».
Неужто такой он — вселенский покой?
Бесчувствие, тлен, и не надо стремиться
Уже ни к чему... Он безмолвный такой,
И только безумные альфа-частицы
От гамма-частиц отлетают с тоской.
К чему же нелепые эти слова
И сдвоенных строчек тугие созвучья.
К чему ты тогда, кружевная листва,
К чему вы, сухие и острые сучья,
К чему это все, если смерть не права?
И все ж остаются азот, кислород,
И вы, единичные атомы серы.
Такой вот естественный круговорот.
...Безумный жасмин так вальяжно цветет,
Он белый, зеленый, и счастлив без меры.

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

Благослови нас шумных, нас крикливых,
невечных нас, нас, жаждущих любви!
В нас психотравмы, страхи и надрывы.
Но в небеса — Тебе! — молю, благослови!
Ты человеку друг, не волк Ты человеку.
Смотри: а он один, что капля, бездна, пыль.
Ты сам создал его таким и имя рек Ты,
Ты это сделал сам, а он Тебя убил.
А он в Тебя плевал,
И, желтая, катилась
по телу, как смола, прожженная смола,
он отрекался, лгал с безудержною силой.
Кричал:
— Свободу дай!
И падал ниже дна.
И церкви рушил он. Сжигал Твои иконы.
А Ты его любил неистовей в тот мит.
И горячей любил. И плакал иступленней,
не друг был человек, а волка зверий рык!

На солнце так идти, сорвав рубаху озень,
на амбразуру так пронзенным пулей лечь!
— О кудри...о овес, о стелые колосья...
Ты им шептал, шептал. Они вонзали меч.
«Доколе?» — я спрошу. А мне в ответ — навечно!
Ах, Боженька, прости, но как простят века?
Нет для него живых, лишь дымные колечки,
нет мертвых, нет больных, ни звездных нет,
ни млечных.

...Но на затылке лишь знакомая рука.
О, как она мягка, о, как она близка.
Как в сказке — на, поешь с капустой пирожка,
как в сказке — на, попей из речки киселька.
А у тебя ковид, и ты не знаешь как.

А у тебя совсем сегодня послесмертье.
Но все равно — рука, роднее нет, поверьте,
тебя вдруг достает, как шарик с потолка,
воздушную почти.
Как письмецо в конверте...

Завтра пойду в церковь, что на взгорке.
эта белая церковь кружева тянет в небо.
Вот идут сюда люди, идут в час свой горький.
Водосвятъе. Крещенье. Молебны.
У людей много всякого. Цельны. Поломаны.
Как чинить судьбы их? Как латать? Как заштопать их?
За водицей святой встану в ряд. Кто с бидонами,
кто с пластмассовой тарой. Кто молча. Кто шепотом
повторяют молитвы. Я — рядом с мужчиною,
говорит, что жену схоронил. О, возможно ли
не заплакать в тот миг? А слеза светит инеем
на щеке у меня. Я, как в землю вморожена.
Как помочь этим людям? Сама не святая я,
ни Алешенька я Карамазов, ни Настенька.
Я читала молитву — молитовка таяла.
были рамы оконные из стеклопластика.
А не те деревянные, те, что дышали бы,
пропускали слова прямо небу да в сердце бы!
Я не помню зачем я пришла, до себя ли мне,
мне людей бы спасти. Да по-сестрински!
Грешных, бедных, больных. О, да пусть бы насытились.
Речников и матросов. О, дай рекам рыбицы!
И не надо по капле, не надо сквозь сито им:
полногрудо и солнечно, златом анизовым,
пляжем Тенерифе, Маунтином да Ибицей!

Всем объемом, всем космосом. А не копеечно
(как прибавка, что к пенсии капля с полтиною),
а не Данте окружьем, не горсткою семечек,
не какой-то лепниною и писаниною.
Много-много! Чтоб множество множилось, ширилось.
Как билет без наценки в Большой, где Рахманинов.
Чтоб создать мир иным. И иное, чтоб в мире нам.
По заслугам! Подаренному, чтоб отдарено.
чтобы кесарю — кесарево, брату — братово.
Как за мир мне поратовать
этот Пилатовый?
Как за мир перекупленный?
Трудно мне. Трудно мне...
Как за эту молодку, мужчину и старицу?
За малышку? За женщину? Просто попутчицу?
Но одной мне не справиться, право, не справиться.
А коль вместе со всеми —
получится!

ДЕТИ

Из-за моря пришел ты крестить, Иоанн,
стерся посох кривой твой, дубовый,
кто на Волге живет, тот познал Иордань
леденящую, в итлах ежовых.
Кто на Волге, тот знает, лицо вдруг ожжет,
как сдирает в кровь дождик нам кожу.
остальное не в счет, даже слезы не в счет,
боль не в счет,
крик не в счет! Не поможет!
На колени! Аз грешная. Что все слова?
До костей хоть сотри все колени...
Ни с того я жива, что почти, как мертвa,
я одно лишь прошу, чтобы не выпивал
сын, чьи кудри овсяны, ячменны.
Ни привычек дурных,
ни компаний срамных,
ни корявой дороги, горелой.
Окуджава с Нирваною и что Цой жив,
хеви-металл рок-группы Кипелов.
Да иди хоть под музыку с крестиком вновь,
хоть под песню, что выставил Требенщиков,
заходи в Иордань, и пусть сам Иоанн
из мозгов дурь повышибет напрочь...
Да, я плачу.
Да, плачу я, плачу...

Ни о том, что у мглы никого больше нет,
ни о том, что у волка козлят ровно семь,
ни о том, что у белого света лишь свет,
а я мать насовсем!
А ты сын насовсем!

И о том, что любовь. От любви до любви.
И о том, о своем, что не пересказать.
У вороны боли. У сороки боли.
Но у сына не надо, нельзя.

Это Волга, и значит, крестом Иордань.
это пресные слезы качает елань,
прорубь, топь да болото слепое!
О великий, молю я, святой Иоанн,
смой грехи! Этой темной водою,
колесо отражающей, ряд новостроек
да базар, что Канавинский, небо рябое...
Чтобы мы выходили от ветра дрожащие,
выходили, хватаясь за поручни, руку ли
Иоанна...
И луч, словно тихая ящерка,
не исчез, не растаял, отпугнутый!

СЕРГЕЙ АНКУДИНОВ

БЛАГОСЛОВИ ДЕТЕЙ И ЗВЕРЕЙ

Зима. И в избе, и за замерзшими окнами, на улице – полнейшая тишина. Поздний вечер. И все же сквозь оттаявшие краешки верха зимних рам мне видна улица и ночное звездное небо, по которому завораживающе и одиноко плывет окутанная синевой Луна. От белого снега, звезд и луны – на улице светлынь. Хоть одевайся да беги гуляй, меряй сумёты и сугробы. В доме все давным-давно спят; и мне надо спать, но мне почему-то не спится. Под толстым ватным одеялом мне уютно и хорошо. От русской набеленной печи исходит приятное ласковое тепло. Оно доходит до меня, и я его чувствую даже лежа в своей колыбели. За перегородкой, в прихожей тихо «играет» радио. Идет радиопостановка, и я с замиранием сердца вслушиваюсь в эти волшебные голоса и звуки. Мое детское воображение самопроизвольно проецирует все то, о чем повествуют персонажи этого удивительного радиоспектакля. Я мысленно тянусь туда к ним, к этим невидимым и благородным героям, которых нет в обычновенной деревенской жизни. Они словно с другой планеты; или побывавшие на другой планете и вновь вернувшиеся к нам на нашу снежную суровую землю. Ведь до сих пор звучит во мне этот космический, смелый голос с проникновенными, вселенскими словами: – Долетайте до самого солнца и домой возвращайтесь скорей...

Но сейчас из этого «космоса» в меня плывущим по морю кораблем вливается шум моря, накатывающийся, завораживающий и тревожный. Сквозь этот причудливый и далекий шум слышатся голоса. Один из них страстный, вопрошающий, будто из мрачной пустой бездны: Негоро... Негоро....

Другой: безжалостный и надменный:
– Я не Негоро! Я Себастьян Парейро – торговец
черного дерева.

С тех пор прошло немало лет. Ушедшие годы ветреные и неуемные, словно злые зимние ветра, продували нас безжалостно и колко на полустанках наших жизненных реалий и невзгод. Эти вихри и сейчас обжигают наши лица подхваченной ветром снежной поземкой. И мы, словно запоздалые путники, так и продолжаем брести закоченелые, озябшие неизвестно куда. Так... идем себе да идем, пока не свалимся. И вот в этой непонятной и неуемной жизни наша молодежь. Ее участь ой как незавидна! Она идет, вихляясь по сугробам заметенных нечищенных дорог, часто сбиваясь с пути, да так и пропадая в заснеженных бескрайних полях на веки вечные. Да, обманчива и скользка современная жизненная дорога. Не оступись на ней – боже тебя упаси. Но уж если пошел по ней, то иди. Иди смело, ровно, не оборачиваясь.

У Никанора Павловича Штоклова сын окончил высшее учебное заведение. Изначально же в этом вузе он поступил на престижный технический факультет, но, проучившись год, очередную сессию завалил. И чтоб совсем не вылететь из института, перевелся, как ему предложили, на социально-экономический факультет. Так он и сделал. Никанор Павлович горестно переживал тот факт, что сын не смог обучаться на престижном, и как он про себя говорил, «умном» факультете. И в то же время он ясно понимал, что сын Антон обучается на самом дрянном и никчемном факультетишке пооткрывавшихся в самом начале демократически-либеральных времен. Но все равно – пусть учится. Сын отучился.

Как он учился – бог весть. Дело в том, что Никанор Павлович жил на северах, а сын уехал учиться в Екатеринбург. Поэтому проконтролировать его обучение не представлялось возможным. Подошла пора идти в Армию. Отец Никанор этот вопрос держал на контроле и жаждал, чтоб его сын Антон непременно отдал долг Родине. Ведь и сам Никанор Павлович отслужил три года на Краснознаменном Балтийском флоте, причем не только нисколечко не жалея об этом, а напротив нескованно этим гордясь. Этого же он ждал и от своего сына. И нет-нет, да и спрашивал Антона, когда его призовут. Но в одном из немногих телефонных разговоров, сын, сначала как бы говоря о «природе и погоде», в конце разговора вдруг брякнул:

– Кстати, пап, может мне неходить на службу? Пацаны говорят, что там, в этой Армии, нечего делать. Как ты думаешь?

Отец Никанор на такие западляцко-трусливые слова сына резанул со всей своей русско-мужицкой прямотой:

– Что? Перессался?

– Да нет... нет, – замямлил в телефонную трубку сынок, – просто пацаны говорят, что там нет ничего хорошего...

– Да, хорошего там, может быть, и не лишку, но надо отдать долг Родине, тем паче, что служить-то ведь всего один год! – подумай сам?! В любом случае ты извлечешь из этого пользу. Служба в Армии даст тебе какой-никакой жизненный опыт.

– Ладно, пап, я подумаю, – вяло ответствовал сын и положил трубку.

Служить Антон так и не пошел, сославшись на то, что его комиссовали. У него и правда было неважнецкое зрение и плоскостопие; хотя в целом вроде б здоровый и даже спортивный парень.

Никанор и этот неприятный для него факт пропустил через себя, отметив, что сын раз за разом сдает позиции.

Вскоре сын женился, что, конечно же, радовало Никанора Павловича и его жену Пелагею Степановну. Жена у сына оказалась красивой порядочной девушкой. Кстати: Пелагея Степановна сына никогда и ни в чем не упрекала и не наставляла его. Она его просто любила, как мать. Родители невесты сына тоже оказались людьми порядочными и доброжелательными. Мать Агния Семеновна занималась коммерцией, приторговывая очками. А отец (неродной отец) жены Антона Аллы был техническим директором на одном из заводов ЖБИ Екатеринбурга.

Вскоре у молодой семьи появилась машина, а через год после свадьбы на свет народился и ребеночек, т.е. внук Никанора Павловича.

Антон все это время работал, да и работает торговым представителем. Никанор Павлович прекрасно понимает, что это работа бросовая. В любом случае для Антона она временная. Ведь не будет же Антон до пенсии работать торговым представителем.

Поработав, Антон понял, что даже на ступеньку выше в серьезных торговых представительствах подняться очень трудно, потому как там везде сидят свои да наши.

Чтоб приподняться по карьерной лестнице хотя бы до менеджера, нужно протеже, а его у Антона нет. Никанор Павлович советует сыну «стучаться» в двери серьезных фирм на серьезную грамотную и полезную работу, где бы он мог реализовать свой вузовский потенциал, который он приобрел. Но сын сетует на то, что туда никогда, ни под каким соусом не пробиться и что нужен опыт работы, а его у него нет.

– А ты попробуй! – не унимался отец, – ведь ты даже не пытался этого сделать.

– Да нечего и пытаться, – отмахнулся от отца Антон, – и так все ясно...

«Да, – с грустью отмечал про себя Никанор Павлович, – нет у сына того огонька, который горел в нем самом

всегда неукротимо и ярко. Нет, он не прошибал любом стены, но когда надо шел напролом, добиваясь цели. У сына этого нет, и это отца семейства тревожило больше всего. Нет амбиций, нет здорового честолюбия. Почему же так?

Неужели ему не хочется стать человеком солидным, грамотным и степенным? И вообще Никанор Павлович заметил явный скепсис сына ко всем хорошим вещам. Газет и книг – вообще не читает. И ни одной за всю свою жизнь не прочитал. Нет, – поправился Никанор Павлович, – одну в школьные годы прочитал и то под сильным нажимом его самого. Пожалуй, это и была одна-единственная книга, которую он прочитал за всю свою жизнь. Конечно же, никогда не поздно наверстать упущенное, но те книги, что ты не прочитал в детстве и юности, их ты уже никогда не прочитаешь».

Никанор Павлович и дальше с сожалением и обидой за сына продолжал рассуждать про себя и думать, где он проморгал сына, где сделал упущение в его воспитании, что он стал таким ко всему равнодушным и даже, как ему казалось, бестолковым и ленивым. Сам охотник, а сына любить по-настоящему природу не научил. К рыбалке тоже никакой тяги нет. И вообще он заметил у сына небывалую леность и даже, как ему казалось, некую человеческую трусость.

Лень сына больше всего раздражала Никанора Павловича. Никанор Павлович всегда полагал, что лень в сочетании с трусостью, подобно водке и наркоте, могут запросто согнуть любого, даже сильного человека в бараний рог. Там поленился, тут испугался; в итоге ты превратился постепенно в никчемное, ни на что не способное существо. О человеческой трусости он рассуждал так. Ведь в действительности трусость бывает двух видов: явная человеческая трусость и животная. Человеческая трусость (страх) – она неприметна. Она заставляет обычного человека пасовать

перед любыми трудностями. Из-за внутренней въевшейся трусости такому человеку все кажется сложным и необоримым. Эта трусость, как ржа, разъедает человека изнутри, не давая ему полноценно жить и сосуществовать. Человек с такой трусостью делается чрезвычайно мнимым и слишком домашним. Такой начинает любить самого себя больше, чем окружающих его людей. Он моется в душе по три раза на день. Ничем таким серьезным себя не утруждает. Смотрит «Дискавери» и прочую дребедень, чтоб ничто другое не поколебало его размеренный уютный домашний образ жизни. То есть превращается в чистоплюя и полного лентяя.

Два года назад Никанор Павлович и Пелагея Степановна уехали с северов и стали жить в ста пятидесяти километрах от Екатеринбурга, точнее на родине самого Никанора Павловича. Делов в обветшалом и ссугулившемся доме Штокловых явно прибавилось.

Но... торговый представитель и здесь не торопится помочь своим родителям. Вот и этот раз Никанор Павлович просит сына приехать помочь переколоть привезенные им дрова.

Но торговый представитель начал лживо отбрехиваться:

– Да... не знаю. Если у самого каких делов не найдется, может, и приеду.

Однажды на заре своей торговой деятельности Антон признался отцу:

– Пап, ты не представляешь какие там (у его на работе) барыги работают!

Но теперь отец явно видит, что его сын и сам стал дешевым барыгой и позорной торговкой. Неужели трудно приехать, причем на своей машине, и помочь отцу?

Ведь он и сам, будучи молодым, сколько у своих родителей всякой деревенской работы перелопачивал и перегребал – уму непостижимо! И ездили тогда не на личных машинах,

а добирались на электричках да автобусах. И ничего: не ленились; ездили чуть ли не каждые выходные и помогали родителям. Тем паче к другим-то дачникам дети, как наблюдал Никанор Павлович, приезжают и помогают, а его сынка за все про все лето раза два в деревне наблюдали. Это Никанора Павловича неизменно раздражало. Может, жена на мозги капает да не разрешает ему ездить чаще к своим родителям? Вот он в последний раз прорек в телефонную трубку, когда Никанор Павлович просил сына приехать в деревню поработать на новой бане.

– Пап, ну ведь мне надо и с семьей побывать да и отдохнуть.

– Ну, «атдыхай», «атдыхай», – передразнивая сына, горестно заканчивал Никанор Павлович и клал трубку.

«Тридцати нет, а он «атдыхать»?! Устал уж больно, что ли? В такие годы пахать, пахать и пахать надо, а он «атдыхать».

Именно из-за лени у Антона не пошел свой бизнес. Конечно же, не последнюю роль сыграло и то, что знаний в голове не густо; если не сказать, что их в ней вообще нет.

Антон приобрел «Валдая» и решил заняться грузоперевозками. Броде б поначалу дело пошло. Сам стал ходить в рейсы, но недолго. Тут же посадил на машину человека. Пусть, мол, пашет, а я только бабло загребать буду. Дело кончилось ничем, а точнее тем, что «Валдая» пришлось срочно продавать и гасить кредит, взятый под эту машину. А не должно ли на первых порах попахать на технике годик-другой самому? Сто пудов – должно! Но Антон не захотел пахать, а хотел лишь сразу жар загребать чужими руками. Но такого чтоб сразу все пошло-поехало в нашей неуемной, неправедной жизни не бывает. Любой успешный бизнесмен скажет, что он на первых порах пахал и день и ночь. Но Антон не привык к трудностям. Ему всегда кажется, что все у него получится без принятия больших усилий. Вот тут как раз ему и не хватает чуточки

жизненного опыта: мужской закалки, которые он не приобрел, не пойдя в Армию. Антон мягкотел и даже, стыдно сказать, в какой-то степени женственен.

Никанор Павлович иной раз думал про себя, что лучше бы сын закончил не институт, а ПТУ, или как сейчас стали модно называть эти заведения – колледж. Во всяком случае, у него бы была специальность, что, конечно же, в современной жизни – очень немаловажно. А уж потом бы вдруг появилось бы желание окончить и высшее учебное заведение. Ведь Антон действительно соображает и в школе учился довольно-таки неплохо, за что Никанор Павлович его часто хвалил. Хвалил?! – да, наверное, и перехвалил! Не закралось ли у Антона ложное представление о том, что он со своей сообразительностью одолеет все преграды? Что, мол, если надо – поднажму – и все получится. Но успех, как правило, к людям приходит не в «поднажатии» когда надо, а в упорном, методичном труде; и умственном, и физическом. И еще немаловажный аспект успеха любого дела: не откладывай на завтра ТО, что можешь сделать сегодня.

Никанору Павловичу не хочется думать о сыне плохо и негативно. Ведь не пьяница же он, в конце-то концов, и не наркоман какой-нибудь. Да и семейный. Пусть себе живет, как знает. Да ведь и правильно в какой-то степени говорят: «Не мы такие – жизнь такая...».

В деревенском доме Никанора Павловича и Пелагеи Степановны светло, уютно и хорошо. Скоро Пасха. Надо будет по-старинному, с дресвой вымыть избу. Возле дома на талом снегу испиленный лесовоз дров. Сын все же пообещал приехать на выходные и помочь переколоть дрова. Никанор Павлович назавтра собирается топить печь, чтоб Пелагея Степановна подготовила для сына что-нибудь вкусненькое. Сами они постятся и готовятся к светлому Христову Воскресению.

Тот день по-весеннему был и солнечным, и теплым, и погожим. Это был один из предпасхальных праздников – Благовещение. Тем же вечером, когда пожилая чета смотрела телевизор – вдруг отключили свет. Супруги лежали в полутиме, ожидая включения электроэнергии. Такие отключения в сельской местности не редкость. Никанор Павлович силился уснуть, но все никак не мог это сделать. «Вот, черт возьми, – думал он про себя, – всегда так: когда надо уснуть – не уснешь, а когда не надо – спать хочется, что с ног буквально валит...» И тут его осенило! Он вспомнил про старенький приемник на батарейках. Вот он лежит целехонький в старом комоде. Никанор Павлович нашупал клавиши и включил приемник. И чтобы вы думали! Радио, как и в былые советские годы, «заиграло»! Никанор Павлович поставил его на стол, а сам уже в кромешной тьме прилег на кровать. И ведь надо же! В тот момент на «Маяке» звучали песни советских композиторов. Воспоминания из далекого прошлого от сокровенных ностальгических слов и звучаний нахлынули, словно неукротимые морские волны, на теплый песчаный берег. Он лежал, а комок так и подкатывал к его горлу, заставляя глубоко вздыхать. Даже Пелагея Степановна с тревогой в ночной тишине спросила:

– Никаш, что с тобой?

– Ничего, ничего... все в порядке... я сплю, – смахивая с глаз слезы, тараторил сдавленным, прогорклым голосом Никанор Павлович.

Меж тем в транзисторе звучало: «Долетайте до самого солнца и домой возвращайтесь скорей...» Песни все звучали и звучали, и бывший строитель не заметил как под аккомпанемент былых грез и воспоминаний уснул. И приснился ему очаровательный и в тоже время несколько тревожный, задумный, непонятно чего значащий сон.

Атлантика. Гладкая перекатная волна покачивает бригантину, идущую под розовыми шелковыми парусами.

На грот-мачте развевается «веселый роджер». Флибустьеры снуют по пиратскому кораблю туда-сюда. Слышишь веселые голоса и смех. На юте, будто бы у скатанной бухты швартового каната, связанный по рукам и ногам сам Никанор Павлович в матросской легкой и белой робе, с повязанным на голове платочком. Вдруг на правой стороне ходового мостика он видит своего сына Антона. Он весь вальяжный, напыщенный, в испанском кошерном одеянии. Смотрит в даль морскую, в синь бескрайнюю и манящую. Никанор Павлович, узнав сына, взывает тихим мятущимся и обнадеживающим голосом:

– Негоро, Негоро...

Антон повернулся, тряхнул черными выющиеся локонами и залихватски, с надменностью и смешком в голосе прорек в синь неохватную:

– Я не Негоро! Я Себастьян Парейро! – торговец красного кетчупа. И... тишина.

Весна. Тают бешено снега. Поют на разные голоса птицы. Никанор Павлович, как в детстве, сделал несколько скворечников и повесил их на шестах у изгороди их большого сада. И все наблюдал, как птицы занимают новые домики. И видел, что даже птахам за место под солнцем и под крышей приходится отчаянно бороться, а что уж говорить о человеке? Ну, дай им всем Господи доброго здоровья, уюта и жизненных успехов.

Благослови, благослови Господи детей и зверей.

Юлия Белова

Верить в чудеса...

— Ребята, надо верить в чудеса... — двенадцать голосов слаженно выводили старую песню. Аромат хвои, апельсинов и еще доброго десятка запахов огромного стола приятно щекотали ноздри. Мягко звенели струны гитары, и огоньки свечей отражались в нарисованных завитках папоротников никогда не замерзающих окон. В хрустальных бокалах пенилось шампанское. Таинственно поблескивал в серванте дорогой чайный сервиз на двенадцать персон. Вечер был добр, весел и приятен, как бывают приятны праздники, пока они еще не успели утратить непринужденность и легкость в многочасовом бдении за столом.

Наверное, в этот вечер и в эту ночь нужно было петь иные песни, но Лариса и Андрей не могли похвастаться знанием традиций. Точно так же как и их родители. Точно так же как и их друзья. Когда-то, когда Андрей был еще очень мал и не ходил в школу, деревенский дед Андрея уверял, будто в старину в эту ночь взрослые и дети с песнями ходили по избам, выпрашивали у хозяев угощения и загадывали им загадки, поздравляли с Рождеством щедрых и пугали страшными масками жадных, а над их головами на длинном шесте красовалась большая звезда. Однако Андрей не без основания полагал, что в его лета, да к тому же в огромном городе возрождение подобных обычаем будет выглядеть слишком старомодным. Да и само Рождество для Майоровых было только поводом лишний раз встретиться с друзьями, и потому они пели песни, которые были

ближе всего их душе — песни юности, студенческих отрядов и научных экспедиций, песни времени простого, но на удивление веселого.

Лишь одну традицию полуза забытого прошлого хозяева праздника все же соблюли — установили под елкой маленький вертеп. До этого всю неделю под пущистыми, сплошь увешанными игрушками ветками стояли румяные и веселые Дед Мороз со Снегурочкой, но незадолго до прихода гостей их сменила крохотная колыбелька с младенцем и Марией и Иосифом над ней. Фарфоровый вертеп некогда привлек внимание Ларисы не столько красотой или чувством глубокой веры, сколько трогательным младенцем в люльке — вершине всех ее мечтаний. Хотя, конечно, вертеп был очень красив и очень дорог. Если бы мысли Ларисы не были заняты другим, она непременно обратила бы внимание и на тонкую прорисовку лиц святого семейства, и на изящество каждой линии их фигур. Юная и прекрасная Мария с нежностью смотрела на младенца и прижимала руки к груди, словно боялась, как бы от счастья ее сердце не выскочило наружу; старый Иосиф как добрый дедушка умильно любовался матерью и ребенком, и все трое были объединены таким чувством наивной и всепоглощающей любви, что сердце Ларисы кольнула невольная горечь. Они с Андреем до сих пор были лишены счастья иметь детей. Уже семнадцать лет!.. К чему было обладать просторной квартирой, двумя машинами, загородным домом и участком земли, если стены их дома и квартиры никогда не слышали детского смеха? К чему было достигнутое ими благополучие, если оно не могло служить малышу?

— А без детей на свете было бы очень тяжко жить, — пропели гости. — И серым стал бы даже алый парус!

Лариса вздрогнула и почти испуганно подняла взор на гостей. Нет, показалось. Их друзья были тактичны и деликатны и никогда не напоминали Майоровым о несчастье. И всегда

делали вид, будто не знают о существовании в их квартире самой светлой, самой просторной и красивой комнаты, стены которой были украшены веселыми обоями с разноцветными собачками, лошадками и котятами.

Лариса никогда не входила в детскую, точно так же как и ее муж. Только пожилая домработница раз в неделю убирала совершенно пустую комнату, тщательно сметала с подоконника пыль, протирала стены, паркетный пол и со вздохом любовалась потолком, на котором сияли звезды.

Ирина Сергеевна от души жалела Ларису, и временами от этой жалости Ларисе хотелось выть. Долгие годы лечения, постоянные анализы, две операции, тщательно скрываемые от друзей поездки в Питер в НИИ акушерства и гинекологии убедили Ларису, что она никогда не сможет забеременеть. Но даже этот приговор не до конца убил в ней надежду. Медицина в наше время творит чудеса...

— ...медицина в наше время творит чудеса, — подтверждали врачи. — Вы не можете зачать ребенка естественным путем, однако есть и другие методы. Вы когда-нибудь слышали об ЭКО? Иными словами, о ребенке из пробирки?

В первый миг Лариса растерялась. Потом ощутила чуть ли не отвращение к идее, наконец, удивление и недоверие. Ребенок из пробирки... Да разве такое возможно? И потом — она всегда хотела родить ребенка сама!

— Именно это мы вам и предлагаем, — невозмутимо пояснили врачи. — Медицина поможет вам только зачать.

Длинные объяснения, труднопроизносимые термины почти не доходили до сознания Ларисы, однако желание иметь ребенка было слишком велико, чтобы она могла остановиться на полпути.

— Я согласна.

— Однако должен вас предупредить — благодаря этому методу у вас может родиться не один ребенок, а сразу двойня. Или даже тройня...

— Да разве это так страшно? — поразилась Лариса. — Ведь я... я так надеялась... — ее голос сорвался, на глазах выступили слезы.

— Далеко не все относятся к этой возможности так же как вы, — мягко заметил врач. — И все-таки наша методика дает женщинам почти полную уверенность в рождении ребенка.

— Почти? — Лариса вновь испугалась. — Значит, этот ваш метод... может и не сработать?!

Врач вздохнул и повертел в руке карандаш.

— Конечно, стопроцентной гарантии успеха не даст никто. Но, в конце концов, существует еще и суррогатное материнство. Ну что вы, что вы, не стоит так негативно к этому относиться, — успокаивающе проговорил доктор. — Генетически рожденный таким образом ребенок будет именно вашим отпрыском — вашим и вашего мужа, а вы при этом будете избавлены от всех тягот беременности. Возможно, это даже более благоприятный метод, чем ЭКО, так что обдумайте все как следует...

На Ларису обрушился длинный перечень фактов, примеров, рассказов из индийской мифологии и медицинской практики. Она даже слегка заслушалась импровизированной лекцией, но единственное, что ей удалось понять, так это то, что врачи почти не сомневались в успехе, полагали, что так или иначе, но ребенок у нее появится, лишь бы им с Андреем хватило на это средств.

И все-таки, несмотря на уверения врачей, Лариса не могла избавиться от сомнений. Прежде всего она не верила, будто деньги решают все. И уж во всяком случае, не могла допустить, чтобы какая-то другая женщина носила ее ребенка, испытывала все тяготы и счастье, связанные с беременностью, тяготы и счастье, в которых ей было отказано, а потом оставила бы малыша и, не оглядываясь, ушла.

Нет, первое предложение врачей нравилось Ларисе гораздо больше, и после нескольких дней раздумий она все же решила вновь отправиться в Петербург. Если «ребенок из пробирки» был ее последней надеждой, она должна была этой надеждой воспользоваться. В письме доктора Корсака приезд Ларисы был назначен на апрель, и со дня получения письма она не могла найти себе места от нетерпения.

Может быть, именно волнение было тому причиной, или же Андрей был прав, и дело было в нелепой случайности — в конце концов, она всегда очень аккуратно водила машину — но, подъезжая к любимому магазину, Лариса чуть не задавила бродячую собаку. Резко затормозила, так что шины протестующе звякнули. Выскочила из салона автомобиля, отчаянно пытаясь вытащить из-под колес грязного и сырого пса.

Наверное, еще никогда посетителям уютной частной ветеринарной клиники не приходилось видеть, как одетая в дорогую куртку женщина прижимает к груди грязного и нас kvозь промокшего бродячего пса. Женщина была на грани истерики. Пес, казалось, пребывал в некоторой растерянности, но был абсолютно цел и невредим. В последнее мгновение ему все же удалось увернуться от колес и спрятаться от нежданной опасности под машиной.

— Сделайте с ним что-нибудь, — молила Лариса. — Он попал под колеса моего автомобиля!

Ветеринар озадаченно смотрел на посетительницу, мучительно пытаясь понять, что именно надо сделать с лохматым чудовищем. Он привык иметь дело с собаками и кошками, чьи родословные были много длиннее, чем родословные королей, и потому совершенно не представлял, что может понадобиться обеспеченной женщине от грязного бродячего пса.

— Он не умрет? — с беспокойством спрашивала Лариса, приходя в ужас от одной мысли, что ее неосторожность могла оборвать чью-то жизнь — пусть даже это жизнь бродячей собаки. — Он серьезно ранен? Ну, сделайте что-нибудь!..

— Единственное, что ему необходимо, так это избавление от блох, — проговорил пришедший в себя ветеринар. — Да не волнуйтесь вы так, ради Бога! Сейчас проведем дезинсекцию, сделаем прививку... И надо будет купить ему ошейник... И не забудьте беднягу накормить. Больше нашему найденышу не требуется ничего. Он здоров, не ранен, разве что излишне худ, но уж это дело поправимое. Подождите, я напишу, как его кормить.

Таким образом, в доме Майоровых появился нелепый лохматый Подарок. Как заметил Андрей, больше всего найденыш напоминал дикую помесь пуделя, фокстерьера и французского бульдога. При других обстоятельствах Андрей ни за что не согласился бы завести подобного уродца, но спокойствие любимой жены значило для него больше, чем появление в доме неуклюжего лохматого пса. В конце концов, в их квартире хватило бы места и для десятка подобных существ. А если Подарок способен был перебороть волнение Ларисы перед поездкой в Питер, так его и вовсе стоило кормить самыми лучшими костями и кусками мяса.

Лариса и вправду успокоилась, приобрела уверенность, от которой давно отвыкла. Сама мысль, что с Подарком все в порядке и что его жизни и благополучию ничего не угрожает, наполняла сердце молодой женщины странной надеждой. В самом деле, разве можно надеяться дать жизнь ребенку и при этом отнять жизнь у другого существа?

«Тот, кто позаботится об одном из малых сих...» — Лариса плохо помнила цитату, но к обязанностям хозяйки собаки отнеслась с трогательной серьезностью. Лохматый

Подарок, долго не способный взять в толк, что перемены в его жизни случились всерьез и навсегда, в конце концов догадался, что жизнь не так плоха, как ему казалось. Каждодневные длительные прогулки, всегда в одно и то же время, вкусный корм, удобная лежанка, обязательное расчесывание густой шерсти превратили худого и неуклюжего задохлика в симпатичного и забавного пса.

И все-таки, если кто-нибудь думал, будто, заведя смешную собачонку, Лариса забыла о своих мечтах, он ошибался. «Мы в ответе за тех, кого приручили» — эту истину Лариса помнила лучше кого бы то ни было. Но также знала, что никакая собака не заменит ей родное дитя...

...За окном в небо взмыла зеленая ракета и разлетелась спнопом сияющих искр. Потом еще одна и еще. Веселая молодежь с песнями водила хороводы вокруг заснеженной елки; кто-то жег бенгальские огни; кто-то, поминутно падая, пытался резать коньками восьмерки на льду; кто-то с хохотом летел с высокой горы прямо в сугроб, так что там мигом образовалась многоногого-руко-головая куча мала; а кто-то учил мальчишек пускать ракеты. Люди веселились за окном и в комнате, и Лариса не сразу почувствовала, как ей в ноги ткнулся холодный и влажный нос. «Я устал, — уверяли огромные и как всегда немножко грустные собачьи глаза. — И разве ты не пойдешь со мной утром гулять?»

Лариса опомнилась. До утра оставалось не так уж и много времени, а собаке действительно стоило поспать. Также как и ей. Если кто-то и мог позволить себе лечь в полшестого утра, так это не она — в шесть ей положено было гулять с Подарком.

Тихо подняться из-за стола, ласково коснуться плеча мужа, смущенно извиниться перед гостями и отправиться спать. Подарок боязливо скользнул в спальню и воровато запрыгнул на кровать. За свою недолгую жизнь он успел невзлюбить праздничные ракеты и веселые толпы людей

на улице, и потому постарался занять самое безопасное место в доме, которое только знал, — в ногах хозяйки.

Установить будильник на шесть утра, скользнуть под одеяло, сосчитать до ста и постараться как можно скорее уснуть. Подарок тесно прижался к ногам Ларисы, согревая ее своим теплом, и вот уже ей казалось, будто это она младенцем нежится в детской кроватке, а мама поет колыбельную и ласковой рукой покачивает люльку.

Когда будильник тихонько затарахтел, а Подарок принялся теребить Ларису за руку, она поняла, что в мире что-то произошло. Темное небо сияло тысячами ярких точек звезд и одна звезда показалась Ларисе особенно яркой. Воздух был чист и свеж, и его свежесть прогнала из души молодой женщины последние остатки горечи. На душе, как и на улице, было тихо, мирно и легко. Свет фонарей отражался от свежевыпавшего снега, и он переливался синими, фиолетовыми и розовыми искрами, исчезал в лиловых тенях, манил, завораживал, словно волшебная перина. Подарок приглашающе вильнул хвостом и затрусиł по направлению к ближайшей аптеке.

Ну да, почему бы и нет? Пожалуй, и для Андрея, и для гостей это будет не лишним.

— Пожалуйста, аспирин, — вежливо проговорила Лариса в окошечко дежурной аптеки. — И... и тест на беременность.

Аптекарь ошеломленно уставился в окно. Чего только не просили его за эту длинную и шумную ночь. Аспирин — очень часто. А еще гель против ожогов для незадачливых любителей пускать ракеты и жечь бенгальские огни. Но, пожалуй, чаще всего просили противозачаточные средства. И вот, пожалуйста — тест на беременность. Удивительное дело — праздничная ночь!

Лариса вернулась домой в радостном и непривычном ожидании. Нет, это было нелепо. Стоило подождать до весны. Ведь медицина в наше время творит чудеса...

Подарок ткнулся носом в колени хозяйки и нетерпеливо передернул ухом. «Ну, что тебе стоит? Попробуй! Ты же ничего не теряешь. А апрель в любом случае придет...»

Глаза пса были столь выразительны, что Лариса решилась. Главное было не запутаться в инструкции.

Вопреки опасениям инструкция оказалась простой, и все-таки Лариса не сразу поверила своим глазам. Две полоски... Две! Значит, она беременна... Лариса вытерла слезы, прижала к себе ничего не понимающего Подарка, всхлипнула, засмеялась и, наконец, разрыдалась от счастья. Семнадцатилетнее ожидание закончилось.

Ларисе хотелось пуститься в пляс, запеть, немедленно разбудить мужа, сообщить о своем счастье всему свету или, по крайней мере, всем уснувшим в доме гостям. Но она сдержала этот порыв. Утром, когда встанет солнце, она поделится радостью с Андреем, а пока стоит прilаскать принесшего счастье в их дом пса.

— Это ты, лохматый, это ты все устроил, — шептала она, почесывая Подарка за ухом. — Других малышей приносят в клюве аисты, а наш приедет верхом на тебе.

Добродушный Подарок завилял хвостом, всем своим видом выражая согласие на роль ездовой собаки.

Лариса подошла к окну. Высоко в небе ярко сияла утренняя звезда.

— Здравствуй, утро! — прошептала Лариса. — Здравствуй, Чудо! Здравствуй, Жизнь!

Содержание

ТАТЬЯНА БОБЫШЕВА.....	4
«Вот он – первый хрупкий снег...».....	4
СВЕТЛАНА ДЬЯКОВА (ПРОНИНА).....	5
«А счастье к нам пришло нечаянною радостью...».....	5
«А сегодня падал снег...».....	6
«Ты принес мне мандарины...».....	7
«Я не могу согреться без тебя...».....	8
НИНА ЕГОРОВА.....	9
«Господь совершає чудо...».....	9
ВИКТОРИЯ КОРОЛЬКОВА.....	10
«Если спросят меня, что всего мне дороже...».....	10
ТАТЬЯНА МОЛЬКОВА.....	12
«Кремлевские часы нас к Рождеству влекут...».....	12
«Волшебный Новый год...».....	13
ЮРИЙ ПРОНИН.....	14
Снежинки.....	14
«Ночь декабря луною осветила...».....	15
«Тихо струится снег...».....	16
«Природа, говорят, мудра...».....	17
ГАЛИНА ФЕДОРОВСКАЯ.....	18
Святочное гаданье.....	18
ЕГОР ЧЕРКАСОВ.....	20
Дед Макар (фрагмент рассказа).....	20

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ.....	22
Ранняя зима.....	22
«Дует ветер, колеблется шпажник...».....	23
Звук.....	24
«Над Окой, на глинистой горе...».....	25
«Листва кружевная на влажном ветру...».....	26
СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА.....	27
«Благослови нас шумных, нас крикливых...».....	27
«Завтра пойду в церковь, что на взгорке...».....	29
Дети.....	31
СЕРГЕЙ АНКУДИНОВ.....	33
Благослови детей и зверей.....	33
ЮЛИЯ БЕЛОВА.....	43
Верить в чудеса... ..	43

Редактор-составитель **С.Г. Леонтьева**

Корректор **А.А. Соловьева**

Компьютерная верстка **Е.Г. Цветкова**

Дизайн обложки **Ю.Р. Белова**

Ответственный за выпуск **О.А. Кузнецова**

Нижний Новгород,
603950, ул. Варварская, 3,
НГОУНБ им. В.И. Ленина

